

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316+929

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО В ПОЛЕМИКЕ ПО ВОПРОСУ КРЕСТЬЯНСКОЙ РЕФОРМЫ 1861 года

Я.А. Никифоров

Саратовский государственный университет
E-mail: yan@sgu.ru

В статье рассматривается вклад Н.Г. Чернышевского в полемику представителей основных направлений социально-политической мысли России по вопросу освобождения крестьянства в 1861 году. Особое внимание уделяется особенностям социально-политического мировоззрения мыслителя.

Ключевые слова: взгляды Н.Г. Чернышевского, крестьянская реформа 1861 г., социально-политическая мысль России.

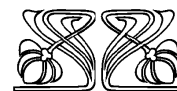
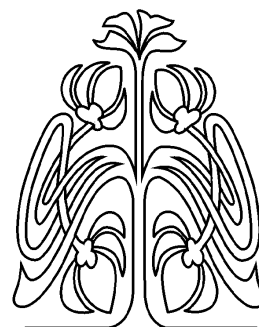
Sociopolitical Sights of N.G. Chernyshevsky in Polemic Concerning Peasant Reform in 1861

Y.A. Nikiforov

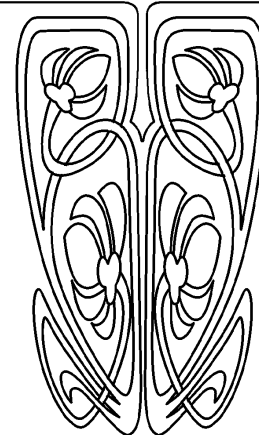
In article N.G. Chernyshevsky's contribution to polemic of the basic directions of sociopolitical thought of Russia concerning peasantry liberation in 1861 is considered. The special attention is given to features of sociopolitical outlook of the thinker.

Key words: sociopolitical sights of N.G.. Chernyshevsky, peasantry liberation in 1861, sociopolitical thought of Russia.

В 40–50-х гг. XIX в. сложились, хотя еще четко и не размежевались, основные направления общественно-политической мысли России: охранительно-крепостническое (консервативное), революционно-демократическое (радикальное) и либерально-буржуазное (прагматически-умеренное). Исходным рубежом размежевания направлений общественной мысли и освободительного движения было отношение к крепостничеству. В этом плане отчетливо выделяются два лагеря идейных и общественных направлений – консервативный и либерально-радикальный. Разумеется, в каждом из них были свои отличительные внутренние течения. Различия между этими течениями были связаны с решением вопроса о том, как сохранить старое или как перейти от старой системы социально-экономических отношений к новой системе, т. е. каковы должны быть содержание преобразований и методы их проведения. В этой связи нельзя стирать или вовсе игнорировать различия, например, между теми консерваторами, которые стояли за сохранение крепостничества в неизменном виде, и теми, кто допускал возможность при сохранении сути этих отношений перехода к их более мягким формам. Точно так же имели место хорошо известные и раскрытые в обширной литературе принципиальные различия между буржуазным либерализмом и революционным демократизмом. Но их единство в указанной первооснове приводило к совпадению позиций по ряду вопросов, что делало границы между либерализмом и радикализмом по ряду аспектов размытыми. Были свои различия и среди либералов, и среди революционных демократов. Как известно, В.И. Ленин, исходя из того, что буржуазное аграрное развитие могло протекать при ведущей роли в этом процессе либо помещичьего (буржуазно-консервативный, «пруссский» путь), либо крестьянского

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

хозяйства (буржуазно-демократический, «американский» путь), выделял в эпоху ликвидации крепостничества два лагеря борющихся социальных и общественно-политических сил – помещичье-буржуазный и крестьянско-демократический.

К середине XIX в. кризис феодально-крепостнической системы в России достиг своей кульминационной стадии. Суть этого кризиса состояла в том, что возможности социально-экономического прогресса на базе крепостнических отношений были исчерпаны. Конкретно это проявлялось в застое и даже снижении уровня сельскохозяйственного производства, ухудшении состояния крестьянского и помещичьего хозяйства и положения крестьян. С другой стороны, ограничивалось и сковывалось прогрессирующее развитие народного хозяйства на основе товарного производства и буржуазных отношений. Таким образом, отчетливо проявлялась объективная социально-экономическая потребность ликвидации крепостнических отношений.

Исторической особенностью России было не только то, что в ней господствовали самые суровые формы феодальных отношений, и их ликвидация задержалась сравнительно с другими странами Европы. Само по себе это стимулировало отмену крепостного права. Сложность этого процесса усугублялась наличием в аграрном строе страны ряда других специфических черт. Важнейшее значение имело то обстоятельство, что из двух форм организации сельскохозяйственного производства в феодальную эпоху, а именно мелкого крестьянского и крупного помещичьего хозяйства, ведущая роль принадлежала хозяйству крестьянскому. Лишь в западных районах страны (Прибалтика, Литва, Западная Белоруссия и Правобережная Украина) ведущую роль играло помещичье хозяйство. Основной причиной указанного положения было широкое распространение в России системы государственного феодализма. Накануне отмены крепостного права государственные крестьяне составляли половину крестьянского населения. Северные и восточные окраины Европейской России и Сибирь фактически не имели крепостного помещичьего хозяйства. В итоге в России экономически мелкое крестьянское хозяйство представляло значительно более широкую основу для перехода от крепостнических к товарно-буржуазным отношениям, чем крупное помещичье хозяйство. Разумеется, это не могло остаться незамеченным для наиболее проницательных современников.

Другой существенной отличительной чертой был общинный строй деревни. Уравнительно-передельная община с круговой порукой была распространена во всех районах, кроме указанных западных. Говоря о крестьянской общине, следует иметь в виду, что ее роль не сводилась к земельным переделам (на основе учета трудовых ресурсов семьи и качества земельных угодий), круговой поруке и общей ответственности за

деяния крестьянского мира, хотя все это имело важнейшее значение. Община – это жизненный уклад деревни, это – система, проявление и влияние которой выходило далеко за пределы собственно деревни. С общинным строем были тесно связаны и помещичье хозяйство, и интересы помещика, и политика государства. Таковы наиболее существенные моменты исторической ситуации, в которой складывались воззрения консерваторов, радикалов и либералов.

Наиболее трезвомыслящие представители консервативного лагеря, понимавшие необходимость перемен, не шли дальше призывов к ним и допускали под страхом взрыва массового неповиновения крестьян лишь частичные изменения в системе крепостнических отношений. Основное значение подобных выступлений состояло в том, что они подталкивали правящую верхушку и прежде всего императора к каким-то практическим действиям. А такое подталкивание, и именно из консервативного лагеря, было необходимо, ибо придворные круги и Александр II в начале своего царствования не имели определенной позиции в крестьянском вопросе.

Но существовал, набирал все большую силу и расширял свое воздействие на правящую верхушку и императора и их политику лагерь сторонников упразднения не только крепостного права, но и самой системы феодально-крепостнических отношений. Ведущую роль здесь играло либеральное направление общественной мысли и общественного движения. Его представители выразили свою позицию во множестве записок и проектов, появившихся после Крымской войны и распространявшихся в обществе и правящих кругах. Либералы вместо программы постепенного личного освобождения крестьян и сохранения их земельной зависимости от помещиков и феодальных повинностей за нее предлагали ликвидацию крепостнической системы. Главным здесь было отделение крестьянского хозяйства от помещичьего и превращение крестьян в свободных и самостоятельных мелких производителей. Помещики же, оставаясь крупными земельными собственниками, должны были вести свое хозяйство на основе наемного труда. Это был реалистический подход, учитывавший сущность фактической исторической ситуации и возможности последующего развития. В сфере политической либералы, как и консерваторы, оставались верными сторонниками самодержавного строя. Так, видный либерал Б.Н. Чичерин, характеризуя программу либералов, писал: «Под словом *преобразования* мы отнюдь не разумеем ограничения верховной власти: безумно прибавлять к существующей неурядице безурядицу представительную, не конституционные сделки нам нужны, а самодержавные реформы»¹. Верховный радикализм либералов здесь были требования, изложенные в адресе Александру II, пяти делегатов, приехавших в Петербург для обсуждения

проекта реформы, составленного Редакционными комиссиями. Они предлагали: образовать путем выборов хозяйственно-распорядительное управление, общее для всех сословий; учредить независимую судебную власть, т.е. суд присяжных, с подчинением местных должностных лиц непосредственной ответственности перед судом; дозволить обществу путем печати доводить до сведения верховной власти недостатки и злоупотребления местного управления². Эти пожелания в основном были реализованы в земской, судебной и других реформах, проведенных после отмены в 1861 г. крепостного права. Таковы были пожелания либеральных кругов, представленных почти исключительно дворянами, выражавшими интересы помещиков, заинтересованных в буржуазной перестройке своих хозяйств. Роль формирующегося класса торгово-промышленной буржуазии в решении вопроса о крепостном праве была незначительной в силу его немногочисленности и идейно-общественной неорганизованности. В этом была одна из особенностей России сравнительно с Западной Европой.

Лидерами революционно-демократического направления в период подготовки и отмены крепостного права были А.И. Герцен и Н.Г. Чернышевский. Об их взглядах и общественной деятельности, как, впрочем, и других революционных демократов, написано множество исследований, поэтому коснемся лишь наиболее принципиальных вопросов, связанных с оценкой их позиции в проблеме ликвидации крепостного права. Здесь доминируют два подхода. Первый выражается в стремлении принизить их радикализм, демократизм и революционность, ввести их в русло либерализма. Этот подход характерен для русской досоветской и западной историографии. Второй состоит во всемерном подчеркивании и даже абсолютизации их демократизма и революционности. Он был присущ советской историографии. Всякие отступления от радикализма трактовались, след за В.И. Лениным, лишь как либеральные колебания, которые не определяли общей позиции и изживались. При этом упускалось из виду, что Ленин оценивал Герцена и Чернышевского прежде всего как политик, а не как ученых, что, естественно, сужало подход в этой оценке. В целом оба указанных подхода являются одномерными и потому ограниченными. Необходимо конкретное выявление в воззрениях и деятельности и Чернышевского, и всех других демократов и революционеров соотношения утопизма, реализма и экстремизма. Тогда не будет нужды в абсолютизации их позиций.

Хорошо известно, что русские революционеры-демократы 1840–60-х гг. (как, впрочем, и позднее) были социалистами-утопистами. Герцен был основоположником особой модели социализма для России, «русского крестьянского социализма». Ошибочно полагая, что революция на Западе будет революцией социалистической, Герцен из поражения революции 1848 г. сделал вывод об

отсутствии на Западе сил, способных совершить социалистический переворот, потерял веру в революционные возможности европейского пролетариата. Сравнивая Россию с Западом, он пришел к выводу о том, что Россия может прийти к социализму, минуя путь Запада, т.е. путь капитализма. Залог этого он видел в праве каждого на землю, в общинном владении ею и в мирском самоуправлении. «На этих началах, – писал он, – и только на них может развиваться будущая Русь»³.

Как отмечал Ленин, в этом учении не было ни грамма социализма⁴. Это была чистейшая утопия. Она была присуща и Чернышевскому, и другим радикалам. Утопичной была и вера в возможность крестьянской революции. И не только социалистической, но и буржуазной. Крестьянство, как хорошо известно, само по себе было способно лишь на стихийные, политически бессознательные бунты, а социального слоя (класса), способного возглавить борьбу крестьянства и придать ей политический характер, в России XIX в. не было. Это понимали и сами радикалы. Что же им оставалось делать в условиях начавшейся подготовки отмены крепостного права? Выхода было два: либо подталкивать крестьян к разрушительному бунту, т.е. занять экстремистские позиции, либо добиваться наиболее благоприятных для крестьян условий ликвидации крепостничества, призывая к этому либералов, правящие верхи и императора, т.е. стать на путь исторического реализма. И Герцен, и Чернышевский, и другие радикалы были достаточно глубокими мыслителями, трезвыми и ответственными деятелями, чтобы стать на этот путь. Поэтому Герцен, отвечая на письмо в «Колокол», автор которого призывал звать Русь к топору, писал, что «к топору, к этому ultimo ratio притесненных, мы звать не будем – до тех пор, пока останется хоть одна разумная надежда на развязку без топора»⁵. Признавал допустимость реформ и более радикально настроенный Чернышевский. При этом он справедливо подчеркивал, что «значительные реформы могут быть проводимы только настоятельным требованием публики, только серьезный гнев ее может побеждать сопротивление враждебных общественному благу интересов»⁶.

На преодоление сопротивления противников ликвидации крепостничества и были направлены основные усилия Герцена, Чернышевского и других радикалов в период подготовки крестьянской реформы. Как социалисты они были сторонниками общественной формы собственности. В работе «О поземельной собственности» (1857 г.) Чернышевский писал: «Та форма поземельной собственности есть лучшая для успехов сельского хозяйства, которая соединяет собственника, хозяина и работника в одном лице. Государственная собственность с общинным владением из всех форм собственности наиболее подходит к этому идеалу»⁷. Но это был идеал. Практически же радикалы добивались освобождения крестьян-

ства с землей. В «Современнике» в начале 1858 г. Чернышевский писал, что «основным принципом своих желаний по делу освобождения крепостных крестьян мы должны принять то, чтобы они не остались без земли»⁸. Герцен полагал, что «мужик хочет себе лишь мирскую землю, лишь ту, которую он оросил потом лица своего, которую приобрел святым правом работы, больше он не требует»⁹. Указанные требования совпадали с позициями либералов. Но представляется неправомерным трактовать это совпадение как колебания Герцена, Чернышевского и др. в сторону либерализма и усматривать в этом заблуждение или непоследовательность их позиций в крестьянском вопросе. Это был трезвый реализм, основанный на адекватном учете конкретной исторической ситуации. Неправомерно и их отождествление с либералами. Для последних освобождение крестьян с земель

было максимумом их устремлений, а для первых – минимумом конструктивного решения вопроса о крепостничестве.

Примечания

- ¹ Голоса из России. 1858. Вып. IV. С. 145–146.
- ² Материалы для истории упразднения крепостного состояния. М., 1858. Ч. II. С. 174–175.
- ³ Герцен А.И. Полн. собр. соч. и писем / Под ред. М.К. Лемке: В 10 т. М., 1950. Т. X. С. 120.
- ⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч.: В 50 т. М., 1955. Т. 18. С. 11.
- ⁵ Колокол. 1860. 1 марта. Лист 64. С. 531.
- ⁶ Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч.: В 15 т. М., 1939–1952. Т. VIII. С. 72.
- ⁷ Там же. Т. IV. С. 434.
- ⁸ Там же. Т. V. С. 91–92.
- ⁹ Герцен А.И. Указ. соч. С. 120.

УДК 316.334.3

ПРОЦЕСС ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ НАЦИОНАЛЬНО-ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И ЭТНОЦЕНТРИЗМА

Х.Б. Тадтаев

Саратовский государственный аграрный университет
E-mail: Tadtaw@info.sgau.ru

В статье анализируется противоречивый характер процесса глобализации. В конце XX столетия утверждалось, что в глобализующемся мире с образованием сверхнациональных обществ национальные государства и этнонационализм станут анахроничностью. Однако противоречивый характер глобализации в начале XXI столетия актуализирует этничность, порождает этноцентризм.

Ключевые слова: глобализация, этноцентризм, этнонация, этническая идентичность, национализм.

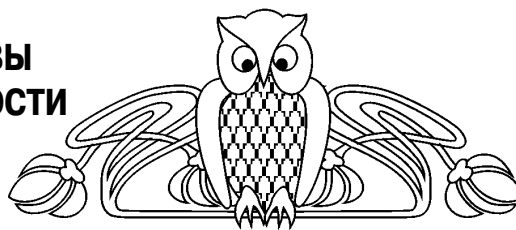
Globalization Process and Prospects of National and Ethnic Identity and Ethnocentrism

H.B. Tadtaw

Controversial nature of globalization process is subject of research of this article. In the end of XX century they claimed that single-nation states and ethno-nationalism would become anachronisms in globalizing world where societies with mixed nationalities are being formed. However, controversial nature of globalization in the beginning of XXI century makes ethnicity relevant and produces ethnocentrism.

Key words: globalization, ethnocentrism, ethnic nation, ethnic identity, nationalism.

Ни одно явление в истории человечества не удостоивалось чести быть «похороненным» столь многократно, как этнонациональные различия и этноцентризм. Однако за «похоронами» следует обострение этнонациональных проблем в различ-

ных регионах планеты. Не является исключением и наша эпоха. Уверенность в превосходстве наднациональных органов (ООН, Евросоюз, НАТО и др.) сменилась определенным разочарованием, поскольку они оказались не в состоянии преодолеть национализм и расизм. Материалы XXI Всемирного философского конгресса (г. Стамбул, 10–17 августа 2003 г.) убедительно показывают актуализацию национально-этнических проблем в последнее время¹.

Установить даже приблизительно время возникновения этноцентризма, национализма и расизма весьма непросто. Проблема осложнена тем обстоятельством, что большинство исследователей этноцентризма, национализма и расизма подспудно придерживаются европоцентризма. История этнонациональных процессов неевропейских народов либо игнорируется, либо характеризуется как хаотический процесс, где обнаружить определенные закономерности практически невозможно. При этом, в соответствии с определенной периодизацией европейской истории, началом зарождения национализма считаются XVI–XVIII вв. Так, Бенедикт Андерсон – английский исследователь (по происхождению ирландец) – начало формирования национализма датирует XVI–XVII вв. Подобную периодизацию процесса развития национализма Андерсон аргументирует прежде всего сменой культурных систем². Именно в XVI–XVII вв. национализм, по мнению исследователя, приходит на смену религиозно-династическому принципу и латынь как священный язык пережи-